

Независимая газ. — 1999 — 4 февр. — с. 7.

И НИКАКОГО СЕРОГО

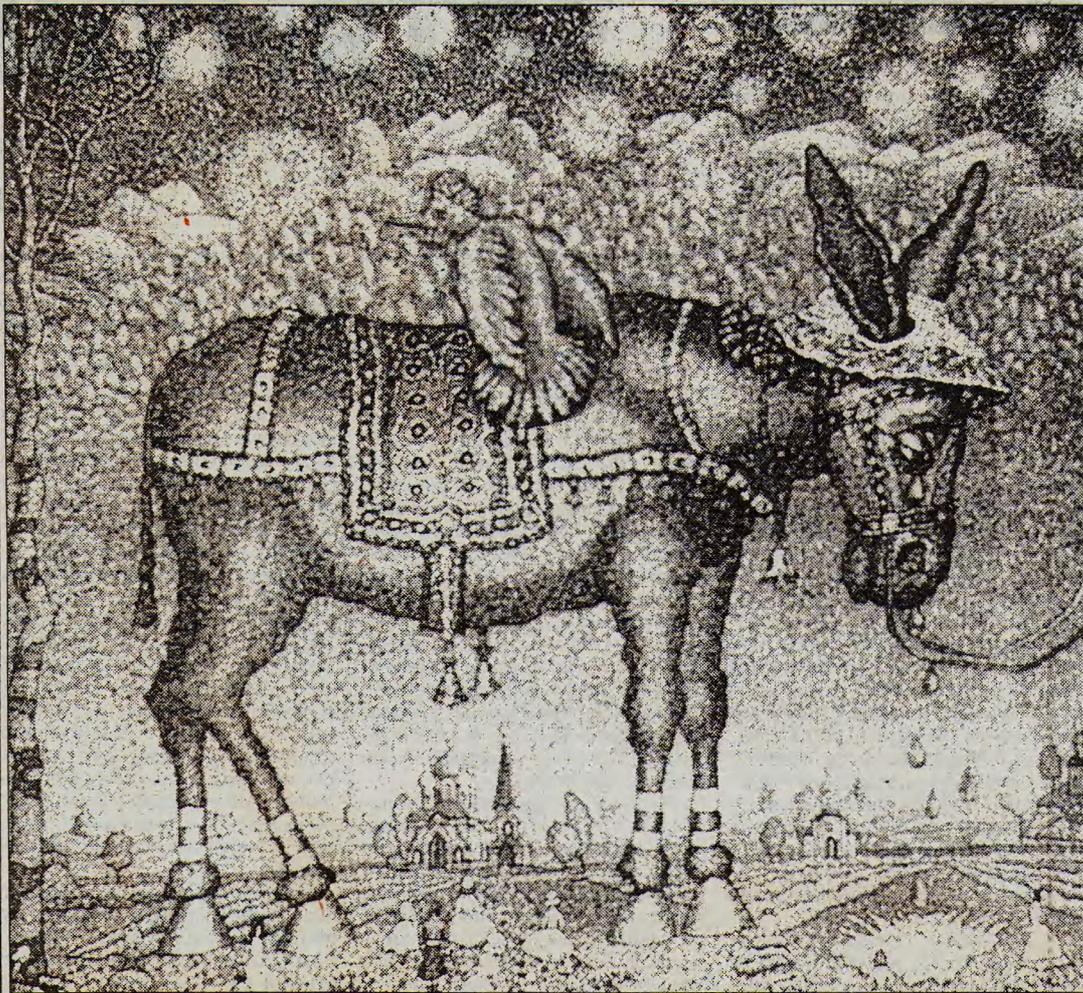
Выставка Александра Харитонова в галерее «Дар»

Елена Зайцева

В СКАЗКАХ добро побеждает зло. В искусстве — не всегда. Но есть художники, которые верят в абсолютную победу добра. Мало того, как настоящие художники они могут заставить поверить в нее других. Небеса спускаются на землю, ангелы выходят из своего укрытия, и с падающими звездами исполняются все желания. Картина — как буддистское Место дарования, в котором исполняются все мечты. Не надо никого просить, все произойдет само. «Если бы я не был художником, я стал бы юридивым», — заметил Александр Харитонов. Его называли «сказочным художником», но сам он считал себя реалистом, продолжающим

Зверев, Дмитрий Плавинский. Он никогда не сторонился коллег и всегда необычайно легко расставался со своими работами, недаром наибольшая часть его наследия находится по домам. Помните, перед выставкой в Третьяковке мы объездили более сорока московских квартир, собирая работы. Однако творчество Харитонова стоит совершенно в стороне от веяний «второго авангарда». В нем нет оппозиционности и эпатажа, присущих андеграунду, оно ничему не противостоит и ни за что не борется — «Ибо человек, чье сердце полно молчания, совсем не таков, как тот, чье сердце исполнено тишины» (Милорад Павич). Когда «оттепель» познакомила москвичей с работами современных западных художников, авангардисты-шестидесятники, отрицавшие подчине-

избежал сусальности и умиленности, в которые так легко впадает большинство тех, кто пытается говорить о русской духовности. В его образах есть хрупкость и многосложность, скрытая трагедийность, роднящая их с положительными героями Достоевского. Уникальна техника этих работ. Харитонов писал точечным мазком, но не так, как Сера. Точечки-мазки образовывали шарики, напоминавшие капельки росы, играющие на солнце всеми цветами радуги. Из этих шариков складывалась мозаика. Он никогда не использовал канонических сюжетов, как не повторял то, что уже было сказано до него, — он придумывал живописные притчи. Например, знаменитую притчу «Плачущая ослица» — одновременно трогательную и апокалиптическую. Эту работу он

Плачущая ослица Александра Харитонова.

традиции живописи русской школы линии Саврасова и Нестерова.

Пятый год подряд в одном из залов Москвы 5 февраля открывается его выставка. В этот день в 1993 г. художник ушел из жизни. Первая посмертная ретроспектива открылась в Третьяковской галерее. Нынешняя выставка, односторонняя, открывается в галерее «Дар». На ней будут как известные, хрестоматийные произведения — «Память о древнерусском искусстве», «Зима», так и недавно отреставрированная картина «Лесная сказка», а также никогда не выставлявшиеся самые ранние и самые последние рисунки художника.

Формально Харитонов принадлежит к плеяде шестидесятников — его друзьями были Анатолий

ние официозу, пытались изучать новейшее искусство и следовать ему. Харитонов был в стороне и от того, и от другого.

Здесь мы встречаемся с редким случаем чистого искусства, преследующим исключительно задачи воссоздания новой, эстетически-духовной реальности. В ранний, романтический период Харитонов создавал сказочные композиции с волшебными садами и прекрасными замками, осененными гигантскими цветами и загадочными светилами. Там жили принцессы, эльфы и гномы. На его палитре не было серого — нарушая все каноны живописи, он принципиально лишал героев их теней. На излете «оттепели» начался второй — зрелый — период, посвященный христианской философии. Художник счастливо

впоследствии записал другой, не менее знаменитой — «Память о древнерусском искусстве». Так и существуют эти две его лучшие работы, одна скрывая и одновременно сохраняя другую — ведь под слоем позднейшей живописи, как известно всем музейщикам, сохраняется дольше.

Картины Харитонова, если отбросить усложненность их техники, напоминают детские рисунки. В них нет теней. Хорошо известно, что маленькие дети воспринимают тени на картинах как ненужную грязь и стараются стереть их. В конце жизни Харитонов прочел слова Флоренского: «Секрет гениальности — в сохранении детства, детской конституции на всю жизнь» — и понял, что следовал этому рецепту изначально.

1995